

А. М. Бухарев

**Об успокоении усопших и о
духовном здравии живых**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
А11

А11 **А. М. Бухарев**
Об успокоении усопших и о духовном здравии живых / А. М. Бухарев – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 167 с.

ISBN 978-5-458-06692-1

ISBN 978-5-458-06692-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

РАЗГОВОРЪ

О ДОЛЖНОМЪ ПОМИНОВЕНІИ УСОПШИХЪ.

Въ прошлую (1865 г.) свѣтлую или пасхальную недѣлю Россія совершала столѣтнюю память по Ломоносовѣ, столѣтній юбилей по его смерти. Достойно и праведно русскимъ, отъ крестьянскаго быта до самаго верхняго слоя общества, почтить память этого русскаго чело-вѣка, принадлежавшаго по происхожденію простонародью, а чрезъ умственное развитіе вошедшаго въ братство съ умнѣйшими и ученѣйшими въ мірѣ людьми, по праву пользовавшагося въ своей жизни уваженіемъ вельможескимъ и царскимъ. Мнѣ хотѣлось помянуть Ломоносова вмѣстѣ съ о. Іоанномъ, къ которому я и отправился къ концу пасхальной недѣли, когда, по моему разсчету, о. Іоаннъ долженъ былъ уже кончить свое хожденіе по все-му приходу для служенія пасхальныхъ молебновъ по до-мамъ. Оказалось, что и самъ добрый о. Іоаннъ поджи-далъ меня для той же цѣли — раздѣлить со мною утѣ-шеніе почтить память Михаила Васильевича.

Само собою разумѣется, что съ о. Іоанномъ нельзя было впасть въ несчастіе вспоминать заслуги Ломоносо-

ва какъ нибудь по-язычески, а не по-христіански — по православному. О. Іоаннъ видѣлъ и глубоко чтилъ въ немъ такого подвижника знанія, который находилъ для себя постыднымъ и низкимъ не только предъ людьми, но и предъ Господомъ Богомъ, оставаться невѣждою или «дуракомъ», какъ однажды онъ самъ прямо высказалъ это ¹⁾. Священникъ рассуждалъ, что не хотѣтъ узнавать истину со всѣхъ ея сторонъ и во всѣхъ отношеніяхъ, когда намъ дана Христомъ возможность разумѣти ея и широту и долготу и глубину и высоту (Ефес. III, 18), прилично поистинѣ развѣ пошлымъ и низкимъ невѣждамъ. И потому человекъ, который умѣлъ понять это и съ вѣрою во Христа посвятилъ себя на честную и вѣрную службу знанію во всѣхъ его отрасляхъ, достоинъ вѣчной памяти въ самомъ чистомъ христіанскомъ смыслѣ этого слова. Таковъ нашъ Ломоносовъ! И да сотворить ему Господь вѣчную память, прощая ему вольные и невольные грѣхи! Такъ рассуждалъ о Ломоносовѣ о. Іоаннъ.

I.

По случаю этой христіанской памяти о Ломоносовѣ, я рѣшился предложить о. Іоанну одинъ, давно меня сильно занимавшій, вопросъ относительно поминовенія усопшихъ. Я всегда признавалъ обязанность и спасительность этого поминовенія. Я знаю, что еще въ ветхомъ заветѣ внушается благодати о умершихъ не возбраняеть (Сир. VII, 36), и есть прямая указанія

¹⁾ Въ письмѣ къ Шувалову.

на церковныя молитвы за умерших¹⁾; а въ новозавѣтной церкви самодревнѣйшія литургіи, начиная отъ литургіи брата Господня Іакова, свидѣтельства святыхъ отцевъ²⁾ и непрерывныя православно-церковныя преданіе и практика представляютъ поминовеніе усопшихъ всегдашнюю и непреложною принадлежностію православія³⁾. Я понимаю и чувствую, какъ молиться за умершихъ, особенно за близкихъ нашихъ, сродно нашему духу и сердцу, свойственно любви христіанской, дѣтскому упованію на Бога и прибѣганію во всемъ къ Его благодати. наконецъ, вѣрѣ въ Него, какъ въ Бога не мертвыхъ, но живыхъ, такъ что у Него все живы. Я сознаю, что для христіанъ, которые въ Христовомъ тѣлѣ церкви суть живые сочлены въ отношеніи къ преставившимся изъ земной жизни, не имѣтъ и не оказываютъ къ судьбѣ послѣднихъ духовнаго сочувствія и соучастія,—значить самимъ мертвѣть духовно, или обнаруживать духовную свою мертвость. Живому члену тѣла неестественно быть безучастнымъ и безчувственнымъ къ своимъ сочленамъ. Такъ, говорю, я совершенно убѣжденъ, что поминать умершихъ, или совершать за нихъ молитвы, приношенія и благотворенія есть должное, святое и спасительное дѣло, — спасительное и для поминаемыхъ покойниковъ и для поминающихъ ихъ живыхъ.—Но вотъ что всегда возбуждало во мнѣ заботливое недоумѣніе насчетъ

¹⁾ 2 Макк. XII, 40—46. Бесѣд. III на посл. къ Филипп. св. Ефрема Сир. (Сл. на почивш.), св. Амвросія Мед. (Орр. Том. V. р. 122), св. Кипріяна (Ер. LXVI) и проч. и проч.

²⁾ Св. Златоуста (Бесѣд. ХСІ на 1 Коринѣ.) св. Афанасія велик. (къ кн. Ант. вопр. 34).

³⁾ У насъ есть основательныя и обстоятельныя изслѣдованія этого предмета отцевъ Никольскаго, Ляпидевского и др.

этого предмета. Въ Евангеліи читаемъ, что Господь сказалъ одному человѣку: ходи въ слѣдъ Мене. Онъ же рече: Господи, повели ми, да шедъ прежде погребу отца моего. Рече же ему Иисусъ: остави мертвыя погребсти своя мертвецы: ты же шедъ возвѣщай царствіе Божіе (Лук. XIX, 56. 60). Если и въ ветхомъ завѣтѣ было извѣстно молитвенное поминовеніе усопшихъ, и прямо внушалось вѣрѣ не возбранять благодати о умершихъ, то понятно, что погребеніе отца, и по духу ветхаго завѣта, должно было составлять одинъ, и притомъ наиболѣе священный изъ видовъ религіознаго совершенія памяти по усопшемъ. Но Господь и такое поминовеніе умершаго, какъ благочестивое погребеніе родителя, ставитъ такъ не высоко, что это, кажется святое, и должное дѣло надъ умершимъ предоставляетъ исполнять развѣ только тоже мертвецамъ, т. е. хотя еще находящимся въ настоящей жизни, но духовно мертвымъ людямъ. Какъ это понять? Самъ жизнедавецъ Господь внушаетъ живому или истинному своему послѣдователю служить дѣлу жизни—возвѣщать царство Божіе, вмѣсто того, чтобы по надлежащему схоронить своего родителя. «Оставь мертвыхъ хоронить своихъ мертвыхъ, а ты иди, благовѣстуй царство Божіе». Все это я и высказалъ о. Іоанну съ просьбою объяснить мнѣ, какъ это согласить съ обязанностію поминовенія усопшихъ.

— Я надѣюсь, отвѣчалъ мнѣ о. Іоаннъ, вы не думаете, чтобы Господь, пришедшій въ міръ для спасенія живыхъ и умершихъ и готовый за тѣхъ и другихъ самъ умереть, могъ имѣть и выразить безучастіе къ умершимъ, заботясь только о благовѣствованіи спасенія живымъ.

Да и самъ Онъ въ отношеніи лично къ Себѣ благоволилъ принять и оправдать благочестивое поминовеніе, совершаемое надъ усопшимъ. Вѣдь дѣло святыхъ женъ мироносицъ, приготовившихъ ароматы для помазанія Христова тѣла и съ этою цѣлію приходившихъ къ Его гробу, было дѣломъ благоговѣйнаго поминовенія Господа распятаго и погребеннаго. И Господь оправдалъ это дѣло не только явленіемъ мироносицамъ ангеловъ, возвѣщавшихъ о Его воскресеніи, но и собственнымъ Своимъ явленіемъ этимъ женщинамъ прежде самихъ апостоловъ (Марк. XVI, 9. Мат. XXVIII, 9). А Свое божественное участіе къ судьбѣ умершихъ человеколюбивый Господь проявилъ такъ торжественно, что имъ въ адскую темницу принесъ и возвѣстилъ побѣду жизни надъ смертію прежде, чѣмъ живущимъ въ мірѣ семъ; и притомъ эту благодать Своего сошествія во адъ Онъ простеръ даже и на такихъ несчастныхъ изъ мертвецовъ, какъ допотопные исполины нечестія (1 Петр. III, 18 — 20).

Тѣмъ поэтому непонятнѣе, возразилъ я, отъ чего Христосъ и такое дѣло для умершаго, какъ возданіе послѣдняго долга умершему родителю, признаетъ недостойнымъ истинно-живаго человѣка. Пусть мертвые хоронятъ своихъ мертвыхъ! Въ объясненіе этаго развѣ не предположить-ли, что общество, къ которому принадлежалъ человѣкъ, просившій у Господа позволенія похоронить своего отца, было неправомысленное, какъ напримѣръ самарянское? Православному ¹⁾ іудею Господь не помѣшалъ бы отдать послѣдній долгъ родителю.

¹ Прежде, чѣмъ Христосъ окончательно создалъ и открылъ свою новозавѣтную церковь хранительницею Божіей истины, была церковь вет-

— Изъ Евангелія, замѣтилъ о. Іоаннъ, нельзя оправдать вашего предположенія. Спаситель прямо поставлялъ на видъ неправоту или несостоятельность чего нибудь раскольниковскаго, противопоставляя этому послѣднему твердость правосмыслія (См. Іоан. IV, 20. 22). Въ разсуждаемомъ же случаѣ сказано Христомъ вообще: остави мертвыя погребсти своя мертвецы.

Что же это значитъ? спрашивалъ я. Вы и такъ все только усиливаете мое недоумѣніе?

— Вы знаете, отвѣчалъ о. Іоаннъ, что современное Христу іудейство, даже и православное по буквѣ, извѣстало до мертвости духовной, остановясь на одной буквѣ слова Божія, а не входя въ его духъ и силу. По этому люди, и вѣрные іудейству, были подобны извѣшавшимъ мѣхамъ, въ которые нельзя было вливать свѣжаго вина живой истины Христовой. Вспомните, что Господь и своимъ ученикамъ, пока они еще не довольно освободились отъ закваски мертваго іудейства, не внушалъ настоятельно заповѣди поста; потому что и они стали бы тогда поститься еще по-іудейски мертвымъ образомъ, а не по живому духу благодати. Тоже самое разумѣйте и о поминовеніи усопшихъ или объ относящемся къ этому же самому погребенію умершаго родителя. Положимъ, что добрый іудей, при погребеніи своего отца, почелъ бы непремѣнною обязанностію принести или послать въ іерусалимскій храмъ жертвы и другія приношенія. Положимъ также, что, въ память своего родителя, онъ не возбранилъ бы себѣ въ благодати обиль-

хозавѣтная. А потому вѣрность къ этой послѣдней составляла православіе или правосмысліе, а невѣрность — расколъ или ересь и т. под.

ныхъ подаяній бѣднымъ и сиротамъ, а самъ съ своими близкими, по обычаю іудейскому, предаваясь бы плачу и скорбному посту. Но все подобное имѣло бы живую и животильную для умершихъ и живыхъ силу только тогда, когда бы проникалось и одушевлялось живымъ и разумнымъ представленіемъ или хоть ощущеніемъ той любви Господа къ умершимъ или вообще къ смертнымъ людямъ, что восхотѣлъ за нихъ Самъ принять смерть, взявъ на себя человѣческія вины, заслужившія смерть. Іудеи же не только еще не имѣли точнаго разумѣнія и понятія объ этомъ божественномъ человѣколюбіи, но въ тогдашнее время уже и не предпошущали такой человѣколюбивой благодати, мертвѣя своимъ духомъ на мертвой буквѣ писанія и на однѣхъ наружныхъ формахъ теократіи. По этому и живые-то іудеи были какъ мертвые. «Хочешь ли и ты, — какъ-бы такъ сказалъ Спаситель просившему у Него позволенія похоронить отца, — воздать послѣдній свой долгъ мертвому или близкому къ смерти родителю, наряду или за-едино съ другими, мертвѣющими духомъ, іудеями? Хочешь ли хоронить мертваго, только какъ и самъ мертвый? Да не будетъ этого съ тобою! Пусть это мертвое дѣло исполнять за тебя надъ мертвымъ твоимъ родителемъ другіе, свободно коснящіе въ духовной мертвости. А ты, послѣдую мнѣ, старайся узнавать и усвоить себѣ Мою любовь къ человѣку, низведшую Меня къ вамъ на землю, облекшую Меня ради васъ въ ваше человѣческое естество, готовую привести Меня за васъ, живыхъ и мертвыхъ, и къ самой смерти, которая одна можетъ искупить отъ гибельнаго владычества смерти и твоего родителя. Узнавай и усвоай себѣ и возвѣщай другимъ эту Мою любовь въ вамъ людямъ для

возвѣщенія о ней и міру, во спасеніе живыхъ и усопшихъ... Словомъ сказать: оставь мертвыхъ хоронить своихъ мертвыхъ, а ты иди возвѣщай царство Божіе. Это будетъ несравненно лучше и спасительнѣе для тебя и твоего усопшаго отца, нежели всѣ твои заботы о его погребеніи».

Выслушавъ такое объясненіе на мое недоразумѣніе, я вполне удовлетворился на этотъ счетъ; но невольно задумался о томъ, какъ бы и намъ, при погребеніи и вообще поминаненіи умершихъ, не допустить до себя мертвого іудейскаго духа, не хотящаго входить въ настроеніе или въ животворный духъ человеколюбія нашего Спасителя, умершаго за насъ грѣшныхъ, какъ будто Онъ самъ былъ виноватъ нашими грѣховными винами. Я тотчасъ объяснилъ свои заботливыя думы о. Іоанну.

— Да! отвѣчалъ онъ мнѣ, также съ скорбною задумчивостію. Поминаненіе усопшихъ не меньше, какъ и всякая другая сторона или принадлежность православія, обезсиливается этимъ равноіудейскимъ направленіемъ вѣры, — вѣрнымъ буквѣ православія, по внѣшности поддерживающимъ его обычаи и требованія, только не доходящимъ до оживляющаго ихъ духа или до живой сущности православія, состоящей въ человеколюбивомъ самопожертвованіи Искупителя за грѣшныхъ и погибающихъ ¹⁾. Въ этомъ направленіи поминать умершихъ все

¹⁾ Сказанное нисколько не касается, и потому не ослабляетъ и не оскорбляетъ, силы помина церковнаго, исправляемаго съ молитвами, положительно проникнутыми вѣрою во Христа и христіанскою любовію къ усопшимъ, и особенно съ принесеніемъ за нихъ Божественной безкровной жертвы въ заупокойной литургіи. Такой поминъ, о которомъ рѣчь у насъ

равно, что «мертвымъ погребать мертвыхъ». Еще меньше, конечно, пользы въ томъ, чтобы покойниковъ намъ вспоминать только поязычески, — выражая уваженіе къ ихъ заслугамъ и добродѣтелямъ, проливая даже искреннія слезы любви къ нимъ и скорби [объ нихъ, но не доводя такого воспоминанія о нихъ до Христа, до Его ходатайства за нихъ предъ Отцемъ небеснымъ.

А между тѣмъ, замѣтилъ я, отшедшія въ другую жизнь души такъ нуждаются въ духовной помощи и поддержкѣ со стороны нашей вѣры! Вѣдь, по слову Божию (I Петр. IV, 18), и праведникъ едва спасется; а нечестивый и грѣшный гдѣ явится?

— Въ самомъ дѣлѣ, отозвался о Іоаннъ, надобно представить себѣ положеніе человѣческихъ душъ, по выходѣ ихъ изъ настоящей жизни и изъ свойственнаго ей порядка вещей. Извѣстна намъ и въ настоящей жизни та истина вѣры, что Христосъ есть основаніе всего, что все, взятое внѣ Христа, есть чуждая жизненной сущности суета, и поэтому мысль или вообще жизнь наша, насколько не обоснована во Христѣ, есть суетное служеніе суетѣ. Но эта истина для нашего легкомыслія и суетности, для маловѣрія и невѣрія или невѣдѣнія, много закрывается нынѣшнимъ порядкомъ вещей, въ которомъ существенное и духовное незримо, а со всею силою бьетъ въ наши глаза чувственная и плотская видимость. А потому нынѣ не только многіе мыслятъ и живутъ совсѣмъ не по Христу, но и искренно въ Него вѣрующіе во многомъ теряютъ изъ

будетъ ниже, въ существѣ своемъ весь освѣщенъ благодатію Христова искупительнаго самопожертвованія за людей, и безпрекословно спасителемъ для отшедшихъ въ другую жизнь въ вѣрѣ и уюваніи жизни вѣчной.

вида Христа; и однако тѣ и другіе остаются безпечно спокойными на этотъ счетъ. Смерть полагаетъ рѣшительный предѣлъ нынѣшнему торжеству суеты; со вступленіемъ въ другую жизнь, для душъ нашихъ совершенно преходитъ настоящій привременный и плотскій порядокъ вещей; для нихъ существеннымъ, истиннымъ и прочнымъ уже и является, а не только принимается на вѣру, одно—Христово, во Христѣ обоснованное, съ Нимъ и притомъ въ истинномъ и живомъ Его духѣ содѣланное или познанное, а все прочее оказывается, какъ есть, одною суетою. Подлинно, и у праведниковъ въ жизни и дѣятельности открывается смертію много пустыхъ пробѣловъ, или много кой-чего, не совсѣмъ свободнаго отъ суеты. Что же сказать о нечестивыхъ и зазнаемо грѣшныхъ? Они, въ загробной жизни, уже не могутъ не видѣть и не сознавать себя несчастными игралищами суеты, такой суеты, которая, состоя въ отчужденіи ихъ отъ Христа Сына Божія, неминуемо подвергаетъ ихъ и отверженію отъ Отца небеснаго и отвращенію отъ Духа святаго, Духа жизни, утѣшенія, истины. Боже мой! Боже мой!... Бѣдственность ихъ положенія доходитъ до безнадежной безотрадности еще отъ того, что, съ раскрытіемъ для нихъ беспощадной истины, они не могутъ ни возвратитъ прошедшей жизни, ни обратитъ отъ злаго своего состоянія на путь добра, хотя у нихъ и неотъемлемо, конечно, нравственное произволеніе; надъ каждымъ изъ нихъ, въ этомъ отношеніи, исполняется во всей силѣ это опредѣленіе Господне: связавше ему рѣцѣ и нозѣ, возьмите его и вверзьте во тьму кромѣшную (Мат. XXII, 13) Дѣло въ томъ, что время нравственнаго сѣянія принадлежитъ, дѣйствительно,